

В теплые и тихие болоньево-нейлоновые советские времена две уличные дворняжки деловито рысили мимо ресторана «Рыбный» по набережной им. Сталина в Тбилиси.

В лиловых репьях и желтых опилках, вечно-голодные, они мельком обследовали урны и баки, лужи и камни, успевали кропить кусты, озираться на запахи чужаков и по ходу обнюхивать ноги прохожих. Ноги – главное, к ногам привешено все остальное, это известно. А кому неизвестно, тот узнает, когда попадет под сапог...

У перекрестка сучка Цуга предупредила сквозь клычки:

– Стоять!

– Стою-ю, стою-ю-ю... Уста-ал... – твякнул кобелек Шалик.

Вот зеленый свет, скрип тормозов, ноги людей по «зебре».

Они суетливо заспешили следом, неловко прыгая через белые полосы, вечно пугавшие их своей яркой белизной, отчего они предпочитали, от греха подальше, на полосы вообще не наступать – на всякий случай, мало ли чего, лучше остеречься сейчас, чем подохнуть потом.

– Ходу. В пивбарррр.

– Не могу-у... Бо-о-ли-ит!..

Шалик припустил быстрее, но вскоре отстал, заметно прихрамывая на заднюю лапу, – на нее случай-

но брызнуло кипятком из котла, где рабочие варили хаши* на всю бригаду, а Шарик честно ждал все пять часов, пока варилось божественное блюдо, но вместо жратвы получил ожог. Да, легко говорить – заживет как на собаке, а все равно больно! И кошке не пожелаешь! Лучше бы сегодня вообще из котельной не вылезать – отлежаться, прийти в себя. Но голод давал о себе знать, хотя Шалик непривередлив, ест что бог пошлет, вплоть до сырой кукурузы и сухой фасоли. Всю свою сиротскую жизнь он бежит от голода-мучителя, всегда победителя, который роется в кишках, заставляя взлаивать по ночам в душной котельной, где и так не продохнуть от кошачьей вони. От голода слипаются брюхо и кровь стучит в клыках и башке. Да, голод – не тетка, а злая мачеха! Но что ж подделывать? Каждая собака в своей шерсти ходит! И у некоторых почему-то миски всегда полны, а тут приходится за каждым хрящиком бегать!

Вот они у пивбара. Это место, равно как и парк «Муштаид», и магазины возле метро «Проспект Церетели», и базар «Дезертирка», и котельная, где они ночуют, – все это входит в их район. Они держат в уме привоз продуктов и вынос обедков, часы пик и часы спада, знают продавцов, сторожей, поваров и хулиганов, отлично осведомлены, кто, бездушный, даст пинка, а кто, душевный, подки-

* Суп из тревухи (кавказск.).

нет хлеба. Бездушные жадны и злы, а душевные – добры и щедры, у них всегда можно чем-нибудь разжиться – не едой, так лаской, которая порой бывает главнее еды. Ну а бессердечные – это так, кошка на соломе: и сама не ест, и мышам не дает. Жалко злых, пусть катятся своей дорогой...

К пивбару они поспели вовремя: уборщица Асмат как раз высыпает на помойку хвостики от хинкалы и огрызки купат*. Деликатно переждав ее уходящее шарканье, они стали разгребать ошметки. Сволокли удобоваримую добычу за урны и основательно заморили червячка. Правда, Шалик умудрился подавить сосисочной шкуркой в горчице, кашлял и чихал, но обошлось – не подох.

– Смотрррри, чего жрррррешь! – неприязненно рычанула Цуга. – Жабрррры от шамайки** забыл? Опять ррррвать будешь!

– Да-а-а... я-я... я-я... тогда-а-а... всегда-а-а... – сконфуженно подвыл Шалик и примолк: да, было дело, жадно жабры жрал – вот и встали они поперек горла. Еле спасся: сосед, гусь Бати, помог – вытащил из пасти. А мог бы и не вытащить.

Цуга презрительно замолкла. Как и всякая сука, она была умнее, изворотливее и хитроумнее кобелька, а тот был тонкой души, переживал за каждую мелочь, всего и всех опасался, сторонясь не только кошек, но и разудалых крыс с базарной помойки – те были огромны, куда наглее котов, и свирепо нападали на каждого, кто осмеливался приближаться к их засадам и лежбищам и посягать на их запасы.

Порывшись для порядка возле урн, они поплелись к солнечной стене пивбара и залегли подремать. Не следовало нарушать порядка жизни: порылся в мусоре, нашел, что искал (и чего не искал), пошамал – отдохай, заслужил. Хоть и утверждают, что питаться объедками некрасиво, – плевать: собаки лают – ветер дует, кому некрасиво, а кому – в самый раз. Конечно, жареное мясо лучше объедков жареного мяса, никто не спорит. Но никто и не дает. Так что молча грызть, что бог пошлет, не привередничать, меньше на мир зубы скалить и на того не лаять, кто пищу дает.

Но они недолго блаженствовали под монотонные беседы пьяниц на веранде – Шалик опять зашелся в горчичном кашле. Тут на них затопали тяжелыми ботинками и воночными кроссовками, а кто-то даже не поленился сойти с веранды пивбара и пнуть кобелька под тощий зад. Пришлось спешно покидать солнечную стенку – от греха подальше.

* Мясное блюдо, тип острых сарделек (груз.).

** Кавказская рыба (груз.).

– Не чуешь, что жрррррешь, что ли? – с брызжанием выговаривала ему Цуга. – Недавно аджикой жаррррралась... Не щенок уже!

– Да я что-о-о... та-а-ак... случая-а-айно, – грустно тянул Шалик, виновато припадая на заднюю ногу. Одно ухо у него подлеплено репьем, второе виновато-покорно висит вниз. Он отлично понимает, что из-за его глупого кашля надо бросать такое теплое местечко, как пивбар. И не только осознает ошибку, но и, главное, не хочет сердить подругу жизни.

Они понимали друг друга и жили, как умная собака с мудрой: мирно, дружно и без подлянок. Бывали, конечно, свары и стычки, случалась грызня посерьезней, но в основном обходилось без крупных передраг. Цуга всегда все вынюхивала первой, любила командовать и читать нотации Шалику, который был трусоват и глуповат, но имел доброе сердце под девизом трех «не»: не подводить, не предавать, не подличать. Все остальное можно, а этого – нельзя.

Притом у Цуги когда-то была одинокая хозяйка, после смерти которой новые жильцы выгнали Цугу, хоть она и выказывала им на разные лады свою приязнь, симпатию и покорность. А Шалик так и родился где-то на свалке от вшивой дворняжки, чьего имени он даже не знает, – когда ему было несколько месяцев, мамаша угодила под паровоз, пытаясь перебежать пути с изрядным куском уворованной курицы в зубах. Имя Шалик ему дал мальчик, приходивший на свалку играть со щенятами. С тех пор и пошло. Кто-то звал его Шарик, кто-то – Шварик, кто-то – Шкварик, кто-то – Шалый, кто-то – Шалопай, даже Шайтан. Кобелек откликнулся на каждую кличку с вечной надеждой, что кто-нибудь когда-нибудь возьмет его с собой в теплый дом, будет кормить и гладить, а Шалик будет сидеть подле хозяина и смотреть телевизор... Но нет, такого человека не нашлось. Пока.

Их обиталище было в огромной котельной, где еще ночевали треклятая кошка Зубарсик с вечными котятами, гусь Бати, курица Катами и кочегар Мурад с женой Лали, продавщицей рыбной лавки на «Дезертирке». Ночами звери и птицы спали, а люди куролесили: ели, пили, играли в нарды, спорили о ерунде и занимались всякими глупостями. К утру угарный газ топки мешался с чадом пота, грязного белья, кошачьим смрадом и рыбной гнилью. Дышать было нечем, отчего носы у собачонок превращались из холодно-мокрых в горяче-сухие...

Да что делать? Выбирать не приходится! Хорошо, что хоть сюда пускают. Утром надо пораньше удрать, чтоб не попасть под угрюмый сапог похмельного кочегара Мурада – потом, после перво-

го стакана, он мягчел и мог даже угостить куском мчаади*, рыбьим хребтом-хвостом или даже куском жирного сыра, но утром все, опасаясь злого сапога, предпочитали выметаться наружу.

Курица Катами покорно спешила в уголок двора, чтобы снести свою дань-яйцо, а потом весь день скромно копалась в трухе под воротами, тихо вороша палые листья, старалась не шуметь и не мешать, чтобы ее не пустили в расход, как это случилось с ее предшественницей, наглой пеструшкой Ламазо, которая столько без меры вкочтала после каждого яйца, столько охорашивалась и вертела боками, что навела однажды зло-пьяно-голодного Мурада на отрадную для него (и губительную для нее) мысль о добром чахохбили**, что и было исполнено, причем Шалик, глодая куриную голову, порезался клювом, потекла кровь, а Цуга устроила нагоняй: «Стыдно башку соседки жрррать!» – хотя сама не постеснялась сожрать все кости бедной Ламазо, когда кочегар, кинув объедки собакам, улегся спать на своем лежбище. Вечерами Катами так же незаметно ковыляла в котельную, юркала на трубу и затихала до петухов, которые ей только снились.

Гусь Бати тоже знал свое дело – утрами вразвалку отправлялся к знакомой уточке на Куру, и они плавали под мшистыми мостами, нежились на воде, любились на отмелях, а кормиться приплывали под балконы ресторана «Рыбный», где Бати делал шеей реверансы, а в ответ летели крики и куски. К вечеру, когда шум на балконах возрастал, кусков летело больше, а крики становились громче. Вечерами Бати ковылял обратно в котельную и был пожизненно рад, что гусей народ в Грузии особо не ест, поэтому под Новый год и Пасху можно спокойно собирать дань с ресторанных балконов – пусть индюшки нервничают, особенно молодые, 2-3-килограммовые, которые так удобны для духовки!

Собачонки плелись шагом вдоль тротуара. Шалик, не зная, как исправить оплошность, робко напомнил, что, может быть, сегодня в «Рыбном», как и вчера и позавчера, можно поживиться гнилой рыбкой? Ее завезли недавно в большом количестве, часть сразу выбросили на свалку, а часть посвежее повар под шумок жарил в кухне.

– Сама знаю, – отозвалась Цуга.

Всем известно, что на свалках и помойках можно отыскать все, что душе и телу угодно: слегка порченые куриные ножки, свинину с червоточинкой, рыбку с гнильцой, баранину с трухцой, сыр с пыль-

цой, говядину не первой, но и не последней свежести, легко тронутые потроха, протухшие яйца, чуть подкисшие котлеты, почти годные кости и прочую вкуснятину.

Поэтому они не без основания считали помойки наилучшими местами на свете и предпочитали от них далеко не удаляться: хозяин гуляет – место теряет. Конечно, хозяин пришел – место нашел, но это тоже смотря кто гость, а кто хозяин: иной гость у хозяина не только последнее отберет, но и самого с балкона скинет. Поэтому надо быть настороже: мало ли что кому в злую башку взбредет? Вот вышвырнул же недавно один свирепый тамада хозяйскую болонку с десятого этажа за то, что та своим тьявканьем мешала ему тосты говорить! Схватил за уши и выкинул, только и успела бедная собачка взвизгнуть напоследок! Все бывает. Надо быть всегда настороже: бешеных полно, и все без прививок...

Они решили срезать через газоны, но у пустого бассейна торчали их районные, хорошо знакомые с плохой стороны хулиганы и бездельники – Гном и Симон. Сидя, как обычно, на корточках, они дымили «Примой», попивали из бутылок пиво и лениво катали по земле зари***, играя, наверное, как всегда, на шелобаны. Противный кисло-горький запах дыма заставил собачонок благоразумно обежать парней стороной, но Шалик приотстал – хотел убедиться, что парни ничего не едят.

Гном удивился:

- Ва, собаки пришли! – словно увидел их впервые в жизни, хотя сам, как и они, коротал дни и вечера в парке, отбирая мелочь у малышни или тайком обирая пьяных, чему собачонки были не раз свидетелями.
- Где, где менты? – сонно испугался Симон.
- Да не менты, а настоящие собаки, на четырех ногах... – успокоил его Гном. – Две собаки по четыре ноги – это восьминогая собака выходит. Представь себе, Симон-джан: идет такая длинная собака на восьми ногах... Сильно поправит, а? Восьминожина!
- Пусть на двадцати ногах идет, – вяло разрешает Симон, затягиваясь «Примой» до упаду. – Пусть хоть на ста ногах ползет, как гусеница! Стоногая! Морда тут, а хвост еще там, у столба, болтается!
- Симон, не ломай, прошу по-братски! – вдруг горько обижается Гном. – Стоногая собака сто процентно ломает! Мамой клянусь, очень сильно ломает!

* Лепешки из кукурузной муки (груз.).

** Блюдо из курицы с луком и томатом (груз.).

*** Игральные кости.

– Почему? – удивляется Симон, приоткрывая тяжелые веки, но не спорит. – Ладно. Конечно. Сильно ломает.

Тут Гном вдруг начал подозрительно озираться:

– Вообще пошли отсюда, пока, правда, двуногие псы не прилетели!

– Тебя просто паника бьет! Откуда здесь ментам взяться? Они там, где бабки, а здесь что? И где у нас факты? Пусть приходят! – хорохорясь, недовольно закопошился Симон, кидая в Шалика окурком и с трудом вставая с корточек.

Чертыхаясь и переругиваясь, они лениво потащились по аллее к колонке с водой, швырнув напоследок бутылки в сухой бассейн, забитый всякой дрянью.

Надо перебираться через улицу. Собачонки вместе с людьми терпеливо ждали зеленого сигнала, как вдруг проехала ужасная грузовая смерть, а струя гари из выхлопной трубы чуть не сбила их наземь. Начав чихать и кашлять, они кое-как доковыляли до парапета и стали отряхиваться. Страшной грузовиков может быть только паровоз, под которым погибла Шаликова матушка.

Надо поддать ходу. Свалка за рестораном «Рыбный» чрезвычайно питательна, но отнюдь не безопасна – ее обжили злобные и спесивые дикие кошки, охочие до цоцхали, храмули и мурцы*. Поэтому надо спешить и глядеть в оба. Тем более что людей прибавилось, они мешали собачонкам бежать, из-за чего Цуга недовольно бурчала себе под нос, но Шалик не решался даже роптать. Да и чего зря пасть разевать? Цугу хоть крысы боятся, а его – уж вообще никто!

Как назло, им встретились эти гадкие дикие кошки. Они валялись в своем вечном кайфе под квасной бочкой, давно забытой кем-то и обросшей мхом. Их надо обойти, не связываться с подлыми фуриями, не верить их фальшивым речам! Среди кошек главенствовала одна – одутловатая, сонная и жирная Писунья, распухшая и тугая до неповоротливости. Она жила при какой-то лаборатории и питалась исключительно свежими крысинными и мышинными головами, которые садовыми ножницами отстригал для опытов лаборант, а после доедала крысьи и мышьи трупки. Глухо поговаривали, что она втихомолку не гнушалась даже чужими живыми котятками. У нее самой котят не было из-за отравленной пищи, которую она ела всю жизнь. Еще бы, столько больных мышинных трупики сожрать – шутка ли? Любой взбесится! Эта толстенная и грубая Писунья только и делала, что

без остановки жрала и дрыхла – зимой под отоплением, летом на солнце, ничем не интересовалась, только злобно на всех шипела и всегда, когда не лень, пыталась поцарапать собачонок.

Вот и сейчас Писунья шипит про них что-то оскорбительное, а другие мерзкие наглые боеголовые и когтистые кошки ухмыляются в усы, смеются в глаза, мурлычут сквозь зубки гадкие колкости. Собачонки искренне пожелали Писуньи поскорее отравиться ядовитой крысиной падалью: когда-нибудь обязательно отольются тебе мышины слезки, жирная тварь! Скоро, скоро приедут кошкодавы, накинута петлю на твою продажную шею, зашвырнут в клетку, отвезут на мясобойню, мыло сварят из твоих подлых жирных боков, гадина! Скорей бы! Писунья на это прошипела утробным сипом, что как раз сегодня утром она видела двух собаколовов с сачками, так что скоро всем грязным бездомным псам-бомжам и побирушкам придет, наконец, каюк и капец!

Возле черного входа в «Рыбный» стояла милицейская «канарейка». Какие-то люди в синей форме с погонами сновали туда-сюда. Собачонки не рискнули при них рыться в мусоре, переминались в нерешительности и уже собрались было улизнуть к метро (где вокруг урн всегда можно найти остатки вафельных стаканчиков или хвостики от пирожков), как вдруг один из людей в форме крикнул кому-то в открытое окно:

– Смотри, эту гниль даже дворняжки не жрут! Как это раньше не было сигнала? Ну и мерзавцы! Людей тухлятиной кормить!

Стоявший тут же в отупелой задумчивости официант Шакро начал что-то мычать и мямлить. Тогда человек в форме, брезгливо ступая, приблизился к свалке и, свистнув, указал собачонкам на кучу серо-зеленой вонючей рыбы:

– На, возьми, бери! Ну, ешь! Жри!

Удивляясь, откуда взялась эта куча гнилой рыбы (утром ее не было), Цуга вильнула хвостом и деликатно взяла одну рыбку, хотя запах от нее исходил, правда, тяжкий. Рыбка попалась совсем худая, распалась на зубах и смердела так, что Цуга, подержав ее секунды две, виновато положила обратно, не в силах проглотить.

Человек в форме гневно выругался:

– Ну? Что я говорил? А ты, мерзавец, ее клиентам подсовывал! Пять лет обеспечено!

– Не, рыба хорошая... Хотите, я сам съем? Вот прямо отсюда, сейчас? – ошалело плел официант, икая от страха.

– Ты сейчас не только эту дрянью, но и мое дерьмо съешь! – усмехнулся властный человек. – Ничего,

* Кавказские речные рыбы (груз.).

Они, конечно тьякали на псов-домашников, но это мало кого беспокоило: собаки-буржуины шли степенны и молчаливы, считая ниже своего достоинства отвечать на гавканье уличных шавок. Охотничьи псы мельком огрызались легкими, колкими грубостями, сердито кося глазами. И только глупые болонки всякий раз затевали с ними визгливые и хвастливые разборки, не понимая, что домашник не должен связываться с уличными доходягами — у тех и своего горя хватает.

разберемся! А ну, пошли на склад! Товарищ Мегрелишвили! Кухню можно печатывать! — крикнул он в открытое окно (из другого окна глазели лилово-серые от ужаса поварчата).

— Будет исполнено, батано* Гиви! — ответили из окна.

Человек в форме веско зашагал к ресторану, официант Шахро в трансе потащился за ним.

А собачонки пытались понять, что это за люди появились у черного входа в ресторан — что им надо? Кому грозят и кого ругают? Не может быть, чтобы официанта Шахро! Официант велик, как и продавец в мясном отделе, повар в хинкальной,

уборщица в столовой, касаб** на базаре! Кто смеет ему грозить? И почему Цуге приказали есть тухлую рыбу? Когда это кто заботился о бездомных псах? Черные ботинки сурового человека в форме блестяли, скрипели и густо пахли решимостью, а от ватных ступней официанта несло страхом. Да, что-то неладное витает в воздухе, давит и гнетет, пугает и опутывает.

И Шалик, чуткий к подобным вещам, припустил прочь от «Рыбного»: коты, «канарейки», тухлая рыба — им это надо? Цуга — за ним. От греха подальше! Это был их девиз, и он никогда еще не подводил. А кто не был осторожен — того уже нет на свете, гниет на свалке, как эта паршивая рыба. Все знают быть про неблагодарную глупую собаку, которую любили, но она съела кусок мяса — и ее убили... И вообще: у кого язык без костей, тот сам в кости без языка превратиться может. Это уж так, ничего не поделаешь, закон жизни, амба!

Суета возле метро обнадеживающе настроила их на праздничный лад. Тут явно есть чем поживиться! Надо только не зевать, не чихать, не скулить и не кашлять — люди этого не любят. А главное — нюхать в четыре ноздри. Вот тяжелые пыльные ботинки, пахнут трамваем, землей и резиной. Дамские туфельки на цокающих каблучках, с запахом болонки. Резиновые кеды, режущие горелой вонью. Страшные сапоги, в которых можно видеть свое отражение. Такие наступят — и все, прощай, лапа! Детские босоножки, после песочка, с запахами травы и молока. От сбитых шлепанцев несет старческой пылью, молью, солью. А из черной «Волги» вылезает белоснежный мокасин...

Всегда искать единственно нужный запах — смысл их нищей жизни, он даже более важен, чем поиск еды и ночлега, хотя что именно следует искать — неведомо и неизвестно никому. Все собаки ищут — а они что, хуже?

Иногда проводят лощеных сытых домашних псов. В такие моменты они стараются не смотреть друг на друга: Цуга — чтобы окончательно не разочароваться в жалком сожителе, Шалик — из-за стыда за собственное ничтожество.

Они, конечно тьякали на псов-домашников, но это мало кого беспокоило: собаки-буржуины шли степенны и молчаливы, считая ниже своего достоинства отвечать на гавканье уличных шавок. Охотничьи псы мельком огрызались легкими, колкими грубостями, сердито кося глазами. И только глупые болонки всякий раз затевали с ними визгливые

* Господин (груз.).

** Мясник (груз.).

и хвастливые разборки, не понимая, что домашник не должен связываться с уличными доходагами – у тех и своего горя хватает.

Да, никто не позавидует их собачьей уличной жизни, где нужда, голод, дождь, лужи, пинки, камни, мороз, когда нос стекленеет, уши превращены в деревянные, а беспородная шкура не греет, а только стынет, становясь колкой изнутри. Так уж заведено: одним – гости и сладости, а кому-то – кости и гадости, одним – тепло и случка, а другим – тьма и взбучка, тем – жрачка-спячка, а тем – побои-помои, кому-то – шлюхи, а кому-то – плюхи, кого-то лечат, а кого-то калечат! Закон жизни, ничего не попишешь, кем-то, очень умным, придуманный... Говорят же: хорошая собака без хозяина не останется. А они остались, значит, они нехорошие! Плохие, никому не нужные!

Около метро все донышки от вафельных стаканчиков склевали отвратные, круглые от обжорства голуби, с трудом ковыляющие тут и там. Несолоно хлебавши собачонки уселись у ограды и стали размышлять, куда податься. Тут же стояли подростки, обсуждая схожую тему:

- У меня – трешка, – говорит один. – Больше у матери в кошельке не было...
- У меня ничего нет, вот, рубль на дорогу. Весь дом обшарил – пусто.
- К кому-нибудь в гости завалим? – без особых надежд предлагает третий.
- Кому ты нужен? – горько говорит четвертый, особо прыщавый, озирая проходящих женщин, роясь в карманах и невесело шутя: – Настоящий мужчина всегда пропускает женщину вперед, чтобы осмотреть ее сзади...
- Новый анекдот слышали? Привезли типа в дурдом. «Ты кто?» – спрашивают психи. – «Наполеон!» – «А, у нас есть уже три!» – «Вы, ребята, не поняли: я – пирожное “наполеон”! Ешьте меня!» Собачонки некоторое время слушали их муторную болтовню и воротили носы от противных запахов, исходящих от подростков.

Потом Цуга неуверенно предложила:

- Дядю Курррррршу давно не навещали...
- О-еее! – Шалику этот план был совсем не по душе: у него ноет лапа, ему бы залечь где-нибудь в тепло и подремать. И пусть даже котята ползют по нему! Плевать! Но противоречить нельзя.
- И он со скрытым вздохом встает с заплыванного тротуара, чтобы бежать в гости к волкодаву Курше, который живет на цепи во дворе собственного дома.

Всем известно, что у дяди Курши – своя большая конура и всегда полная миска. И он нехотя, с руга-

ню, но делился иногда жратвой с собачонками. Они, стараясь не надоедать, навещали его только в особо голодные дни. Но по пути к нему надо пересечь опасный мост и дальше бежать мимо зоопарка, по подъему Варазисхеви, в горку, что едва ли по силам слабому Шалику. Но что делать? Голод – не тетка и не бабка, а дикий зверь, вроде пантеры Дали или тигра Бадри, живущих в зоопарке!

Да, раньше они любили пролезать сквозь ограду зоопарка, где можно не только кое-чем подкрепиться, но и вдоволь наглядеться, как дремлет лев Жермен, беспокойно мечется по клетке пантера Дали, грызет прутья решетки больной циррозом тигр Бадри, чешется белый медведь или скулят волки в грязном убогом вольере.

И собачонки были рады, что они не сидят в клетках, а бегают где хотят. Да, у зверей за решетками хавка была всегда, но зачем хавка, если ты обязан и обречен день и ночь сидеть в грязной маленькой вонючей клетке? Не обонять запахов раннего утра, свежей листвы или речки Вере, где даже можно ловить мелкую рыбку?

Но однажды обезьяна Жужу умудрилась из клетки поймать Шалика за хвост и чуть не оторвала его. С тех пор они обходят зоопарк стороной, хотя там есть известное кафе-сосисочная, куда непременно хотят пойти все дети после осмотра зверей и где всегда найдутся хвостики от сосисок и шкурки от сарделек с огрызками булок и хачапури.

По пути они обсуждали своей последний визит к волкодаву, когда Шалик довел старика до злобных рыков своими глупыми спорами о том, когда было лучше – раньше или теперь.

- Не спорь, убьет! – советовала на ходу Цуга. – Двух пьяниц загрыз, воррра поррвал...

Шалик давился обидой, но возражать Цуге не смел и исподволь перевел разговор на чудо-миску дяди Курши – что в ней сегодня может быть? Остатки чанахи*? Нежные хребетки цыпляток? Или вообще ребрышки от жареного поросенка, как в прошлый раз? Много чудес на свете!.. В миске дяди Курши может оказаться всякое неожиданное, никто наперед ничего не знает и знать не должен.

На полянке они наткнулись на людей – странно разодетые, они сидели на земле вокруг скатерти с едой. Шляпы, сумки, запахи краски, колбасы и сыра... Свертки, мольберты, бутылки свалены в корнях дерева. Шалик метнулся от сидящих, но Цуга остановила его:

- Слеп, что ли? Это же они, художники!

* Блюдо из мяса и тушеных овощей (кавказск.).

И Шалик сразу успокоился. Художники – самые безобидные и веселые люди на свете: поют, рисуют друг друга, обнимаются, братаются, всегда ласкают и кидают куски с тарелок, а не мусор всякий из помойного ведра... Их часто можно видеть в парке, где они зачем-то пачкают красками чистую холстину. А один недавно столько целовал Цугу в усы, что у нее заболели брыли, и даже пришлось зарычать, чтобы он оставил ее наконец в покое. Пьяных они не жаловали – но что делать, если эти художники всегда навеселе? Надо терпеть! Зато щедры и добры, хоть и пахнут от них резко и противно, всякой химической дрянью. И руки у них всегда грязны и липки, а ногти черны и обломаны. Ничего. Зато кормят не объедками, а тем, что сами едят. У них и объедков не остается, сами вечно голодны, как собаки.

Подобравшись поближе (разглядеть, что естся на этот раз), собачонки слышат, как лохматый тип со стаканом в руке громко клянется, что Ван Гог выше Гогена, Каналетто шире Вермеера, Пиромани глубже Руссо, а разница между Гольбейном Старшим и Брейгелем Старшим та, что Гольбейн – талант, а Брейгель – гений!

Остальные хлопают, чокаются и пьют: за Гогена и за Ван Гога, и за Брейгеля с Гольбейном, и за Дылбо с Варази* – за святое искусство, словом, пусть все будут здоровы! А тем, кто ушел, – земля пухом и вечная память, аминь!

Увидев псов, художники стали швырять им жиренькие кусочки, свистом звать к себе. Цуга поймала на лету куриную ножку, Шалику достался ветчинный хрящик. Потом одна веселая девушка принялась пускать по воздуху соломенную шляпу, и Шалик из вежливости приносил ее обратно, за что и получил нетронутый кусок сулугуни** с шоколадной конфеткой в придачу (не переставая удивляться – зачем люди кидают эти палки и теннисные мячики, а потом радуются, когда Шалик приносит их назад и отдает им в руки?).

Сметливая Цуга, встав на задние лапы, провальсировала пару тактов, за что была награждена аплодисментами и пахучей котлетой. А борогатый тамада украсил ее уши веточками тархуна и цицмати***.

– Собака под зеленью! Зеленая собака! Типичный ранний Шаггал!

Веселая девушка сплела венок из джонджоли****, накинула его на голову Цуги.

* Тбилисские художники.

** Сорт сыра (груз.).

*** Зелень, подаваемая к столу в сыром виде (груз.).

**** Маринованная черешша (груз.).

– Чем не Венера Боттичелли? Та же улыбка, углы губ! А для Шалика смастерила башлычок из тонкого лаваша.

– О! Могильщик из «Гамлета»! Хаджи-Мурат!

– Савонарола! Торквемада!

А Торквемада, притихший, сидел, доволен и сыт, и пытался лизнуть веселую девушку в румяную, горячую щеку.

Ну, больше поживиться нечем. Все съедено. На скатерти – одни кисло-дурно пахнущие бутылки с остатками вина. Пора. Перекусили – и довольны.

По дороге Шалик думал, кто такой может быть этот «ранний шакал», который красит честных собак зеленой краской? Шалика тоже щенком кто-то умудрился покрасить белой масляной краской... еле спасли, искупав под дворовым краном.

Цуга рысила деловито, мотая башкой, с которой все никак не хотел слетать джонджолевый венок.

Вот и бетонная стена... Дыра в заборе... Лаз к будке дяди Курши...

Тучный и косматый волкодав плотно лежал на боку, греясь на солнце. По кованой цепи ползали мухи и тараканы. Дядя Курша изредка и нехотя, не открывая глаз, шелкал их, и тогда цепь утробно взбрыкивала. Он сегодня рано позавтракал – и немного поспал. Пообедал – и поспал. А скоро будет ужинать – и тогда уж он отдохнет основательно, на славу, до утра. Такова сыто-скучная жизнь цепника. С проклятого железа его даже на ночь не спускают – цепь длинная, всюду во дворе достать можно.

Почувяв гостей, дядя Курша приподнял морду и вытянул шею – кто это там осмеливается нарушать его покой? Некоторое время пристально и недобро смотрел на собачонок. С проклятием и одышкой прохрипел:

– Черт бы вас побрал совсем! Покой беспокоите! – и в тяжелой истоме уронил косматую башку в пыль.

Цепь брякнула и уложилась. Псу было лень ворочать языком. Он отдыхал, как и всю остальную жизнь, отдав свободу за покой. Собачонки подползли ближе, деликатно отворачиваясь от громадной и отнюдь не пустой миски.

– Жрать хотите? – не размыкая век, спросил он и милостивым кивком хвоста подтвердил: – Жрите!

Они без церемоний прильнули к миске. Шалик засуетился, полез ногами, но Цуга хватанула его за ухо, и он присмирел, дрожа от нетерпения и чавкая на всю округу.

Какие тут восхитительные кости и сухожилия! Жир и кожа! Обгоревший кусок корейки*****! Голяшки

***** Жареное мясо (груз.).

от мужужл*! Пенки от чихиртмы**! И этого дядя Курша не хотел уже жрать? И Это – Это – для него было плохо? Ну, что для дяди Курши плохо, для них – в самый раз, и даже очень хорошо! Они ведь – как кочегогарова курочка Катами: по зернышку клюет, а сыта бывает.

– Удачно пришли! – тихо упивались собачонки запахами из кухни, где жарится восхитительный бараний баркал***, лучше которого не было, нет и не будет ничего на свете.

Потом Цуга начала вежливо пересказывать волкодаву районные новости – тот, не открывая желтых глаз, с брезгливой неохотой узнавал, что хозяин собачонок, кочегогар Мурад, спился вконец, а котельная пропахла спиртом и кошачьей вонью, что недавно в парке была сильная драка, в которой до смерти порвали одну противную большую москву. А рядом с кочегогаркой собираются открыть мясной магазин, но не открывают, потому что мяса нет. И хозяйкин рыбный ларек хотят закрыть, потому что рыбы нет. В пивбаре сменили директора и теперь выкидывают вдвое больше ошметок, чем раньше. Мацонщик**** Коциа сломалногу, поэтому стало туго с пенками от мацони. Дурака Шалика чуть не затоптали на стадионе, куда он умудрился проникнуть в день футбола ради огрызков хачапури. Да, еще выдумали новую подлость – увозить куда-то остатки еды из базарной столовой, так что кормиться там уже нечем. И еще – официанта Шахро сегодня побеспокоили какие-то люди в форме... Что милиции вообще надо от этого святого человека? В парке полно пьяниц и бродячих, вконец одичавших и обнаглевших котов-скотов и кошек с котятами. Лучше бы милиция этой кошачьей заразой занялась, чем уважаемого всеми псами Шахро беспокоить!

Дядя Курша слушал вполуха. Эти мелкие дела-людшки мало интересовали его. У него были другие проблемы. Выждав, он осторожно спросил:

– А новых сучек в районе не видно?

Шалик тут же брякнул:

– Да-да-а, е-есть, ви-и-идели...

Цуга подтвердила:

– Видели двух черрррррных дворррррряжек...

– Может, приведете, когда стемнеет? – как бы невзначай рыкнул волкодав, пряча желтые глаза. – Так, время провести... А то скучно уж очень... Жратва за мной... А не найдете – плохо вам будет! С тебя стребую! И вшивого хрящика от локо*****

* Маринованные свиные ножки, уши и хвосты (груз.).

** Суп из курицы (груз.).

*** Бедренная кость (груз.).

**** От «мацони» – кислое молоко (груз.).

***** Сом (груз.).

не дам! – на всякий случай веско пригрозил он Цуге, которая поторопилась согласиться:

– Конечно, пррррриведу, куда они денутся?

Они стали вспоминать, где могут быть сейчас эти бродяжки, которые вести себя не умеют: вчера цапались из-за дохлой крысы, кусали друг друга за ноги и шумно грызлись в кустах. Цуга брезгливо обшла их стороной, но Шалик успел-таки обнюхаться с ними и заметить, что одна – в розовых лишаих, с проплешинами на спине, а другая припадает на две ноги и как будто даже в чумке.

Кобелек посчитал необходимым сообщить об этом дяде Курше, как самец самцу. Но тот лишь ухом о цепь почесал:

– Подумаешь, лишай, чумка! Это ерунда!

И стал со вкусом вспоминать, как много лет назад к нему забрела чумиться красивая беглая сучка, он спрятал ее в конуре и блаженствовал с ней, хотя она была больна и тряслась в горячке. Собачонки, не раз слышавшие эту любовную историю, тем не менее подобострастно внимали ей – а как иначе? Когда дядя Курша говорит – надо слушать! Он невнимания не любит, может и наказать. Что поделать – он часто рычит и огрызается, а того, кто молчит и хвостом виляет. А дядя Курша – что? Хоть и ревет беспричинно, зато добр и кормит. А другие псы? Еще и цапнуть норвят по ходу дела. Понятно: кто лает, у того пасть занята, а кто молчит – тому всякий бредовый вред в башку лезет: от нечего делать хвост откусит или за ногу хватанет – и не подавится, гад! Это собачонки знали твердо: не бойся пса брехливого, а бойся молчаливого!

Начало темнеть. Из дома доносились живительные звуки и запахи: звон тарелок, звяканье ножей и вилок, переборы гитары, стук нардов, скрипдвигаемых стульев, смех и голоса. Потянуло ни с чем не сравнимым запахом жареной баранины.

Дядя Курша снисходительно объяснил: у хозяина Гурама сегодня день рождения (собачонки лстыиво наперебой поздравили волкодава), пришли гости, и скоро, после первой перемены тарелок, сюда принесут изрядную порцию обедков, которых он, впрочем, не особо ждет, ибо терпеть не может солений, маринадов, всяких там цнили*****, пхали*****, аджапсандали*****, из которых состоят обедки первой перемены.

***** Маринованные овощи (груз.).

***** Общее название блюдо из овощей с молотыми грецкими орехами (груз.).

***** Блюдо из смеси тушеных или жареных овощей (груз.).

Цуга тут же подобострастно согласилась: конечно, первая перемена – это так, ничего особенного. Вот вторая... не говоря уже о третьей... чем дальше вечер – тем ближе к мясу, известно...

Дядя Курша многозначительно поглядел на нее и поставил свое условие: пусть они идут искать вчерашних черных бродяжек (с паршивых сук – хоть шерсти клок), а он уже постарается сохранить для них хорошие кусочки, хотя им, тварям бездомным, все равно что жрать, а он обожает и обожествляет одно лишь мясо, которое, как всем известно, приходит только после третьей перемены. Так что пусть собачонки поторопятся, а он их не забудет – чугунное слово цепника!

Они приуныли. Куда осмотрительнее было бы сидеть тут, возле миски, и сторожить, сколько чего придет после каждой из перемен, но делать нечего – надо на слово верить дяде Курше, другого выхода нет. А все из-за болтливости Шалика! Молчал бы про сучек – и получил бы костей пару кучек! А теперь – иди и гадай, сколько чего было, пока за этими бродяжками гоняться будешь!

И они полезли назад в дыру, чтобы поспешить в парк, где горят огни каруселей, а в летней раковине играет музыка – вещь без запаха и вкуса, а все равно приятная.

«Муштайд» назывался этот дивный парк, где они чувствовали себя как дома. Он и был их домом. Не всем же дано иметь собственную конуру, как у дяди Курши! Да и что конура? Вот у волкодава свое миско-место есть, а свободы нет – разве это жизнь? Нет, куда лучше без конуры, но со свободой, без миски – зато с весельем! Они, само собой, никогда не посмеют сказать об этом волкодаву, но это так, и с этим спорить глупо.

На танцплощадке гулянка шла полным ходом, с бутылками и папиросами. Стоял несносный шум. Мерзкий гам был собачонкам хуже спертго запаха вспотевших ног. Цуга недовольно ворчала себе в усы на Шалика, что слаб на язык и вылаивает что ни попадя. Проклинала себя за глупость – почему не сообразила сказать, что черных дворняжек уже нет – смылись восвосяи, ищи ветра в поле?! На свой загринок выболтали! Сидели бы смирно – мяско перепало бы... Нет чтобы держать язык за клыками! И лапы будут целее, а желудок – полнее... Бегай теперь тут, ищи этих вшивых сучек для случек!

А Шалик не мог забыть о миске, полной до краев. И ему, напротив, вовсе не казалось, что поручение дяди Курши трудно для такой награды. Он даже думал, что оно не идет ни в какое сравнение со щедростью волкодава. Подумаешь – привести пару бродяжек!

А полная миска ломких костей от молодого шашлыка? А коровьи хрустящие лопатки? А безумно вкусные копытца из хаши? А слегка подгоревшая солянка*? Или чуток пережаренные кучмачи**? А люля-кебабьи хвостики? Это что, просто так на улице валяется?

Временами жизнь волкодава казалась Шалику раем, он с горечью удивлялся: почему не ему досталась счастливая доля – быть хозяином будки, миски и двора? Почему он рожден малым и хилым, а не могучим и породистым? И он мог бы стать грозным догом-бульдогом, или сильной охотничьей, или, на худой конец, голубым пуделем. А вот родился Шаликом – и Шаликом подохнет, как и должно Шалику: под забором, в грязи. И никто не положит его в ящик из-под тушенки и не опустит в яму, вырытую в клумбе, и не поставит дощечки с его именем, а выкинут в мусор на свалку, где наглое грубое воронье (от которого и при жизни нет покоя) расклюет его по кусочкам! Вот и все, собаке – собачья смерть!

Но подобные мысли приходили крайне редко, только когда он бывал болен или слишком голоден. В остальное время он покорно боролся с жизнью. Да эта борьба и есть сама жизнь, а что же еще? Спокойно будет только после смерти. «Устала? На том свете отдохнешь! Давай быстрее в ларек за бутылкой!» – любит кричать кочегар Мурад, требуя от своей сожительницы чего-нибудь спиртного.

Они спустились на набережную и вскоре наткнулись на то, что искали. Вот она, псиная свадьба! Впереди гордо гарцевали вчерашние дворняжки-сучки, важно закрутив и без того крученые хвосты, жеманясь, подтягивая, иногда топчась на месте и победно оглядывая стайку псов, бегущих за ними. Кое-кто из этих псов был очень даже известен – хулиганистые задиры, уличные попрошайки, вечно возбужденные воровством и сомнительными сделками, на все способные прохвосты без чести и совести.

Однако собачонки смело присоединились к свадьбе, ибо парк был их местом, и об этом надо не только всем напоминать, но и самим помнить! Крепко зарубить на своем мокром носу, пока он не стал горяч: покажешь сегодня слабинку – а завтра тебя уже нет, съели и не подавились. Нет, надо грызться и гавкать! Это все глупости, что собака лает – ветер носит. Носит-то он носит, но пользу этот лай тоже приносит... И не забывать, что Муштайд – от «мўшти», что значит «кулак»: в кулачном парке надо почаще пускать в ход клыки – целее будешь,

* Мясное острое блюдо (груз.).

** Блюдо из тубухи, жаренной с луком (груз.).

несмотря на раны. Раны – что? Живнут, как на собаке, а вот раненая честь не лечится ничем, кроме мести: клык за клык, кадык за кадык, только так – чтоб не попасть впросак... Недаром же говорят: собачья дружба – до первой кости, а потом – грызня не на жизнь, а на смерть.

Они сумели обменяться с сучками короткими репликами:

- Откуда? Кто? Куда?
- Сестры, из деревни. Надоело. Сбежали, – тявкнула одна, хромяя чумичка.
- Жрррррать хотите?
- Конечно! – завопила вторая, лишайная. – Эти разве накормят? И сколько их? У нас в деревне такого нет!
- Бежим, есть место, полно всего, все хоршее! Прррррриглашаем! – прорычала Цуга, пугая настырных псов, норовящих на ходу покрыть лишайную.
- Не врете? А где? А что? А далеко? – обрадовались деревенские сестрички, не ведая еще, что в городе обедки никто просто так, за красивые глазки, раздавать не станет (тем более что и глазки не очень-то: у одной – в чуме, у другой – в трахоме...).

Наглые уличные псы, уловив обрывки разговора, разом заворчали на Цугу, а какой-то слишком нервный доходяга цапнул ее за хвост.

- Да кто вы такие? Нищенки, калеки, брррррродяги! – взвилась Цуга. – Мы ведем их к дяде Куррррррше – ясно вам? Они пойдут с нами к Куррррррше!

Услышав про волкодава, псы разъярились еще пуше. Нервный недоносок стал залиvisto ругать волкодава цепным дурнем и старым дрочильщиком, а другие принялись теснить их к реке, отрезая от заезжих бродяжек. Поднялась свара, пошли визги, стоны, злобный хрип, задущенный сип.

- Помогите! – уже издали кричали сучки, пытаюсь избавиться от настырных кавалеров.

Но псы с лаем гнали их все дальше.

- Смотрррррите, плохо будет! – разозлилась не на шутку Цуга и помчалась жаловаться волкодаву, велев Шалику затесаться в свадьбу и следить, куда погонят сучек поганые псы.

И Шалик остался среди бродяг. Что делать? Пса лапы кормят. Хочешь жрать – умеи в помойках рыться. Надо суку – лезь в подпругу. А нет – клади клыки на смертный ящик, откидывай копыта, поджмай хвост, подыхай под забором.

Цуга достигла бетонной дыры и сбивчиво поведала дяде Курше обо всех безобразиях. Лежа в прежней

позе, волкодав внимательно выслушал ее. Глаза его налились кровью, уши поднимались и опускались, шерсть на загривке топорщилась, хвост торчал как пика, а из-под мохнатых усов несся злобещий рокот, словно где-то пытались завести неисправный грузовик.

Услышав, что кто-то из псов-попрошаек осмелится ругать его дурнем и дрочильщиком, он заметался на грохочущей цепи так свирепо, что Цуга отпрянула к стене – переждать приступ яростного рокота.

Из дома стали выглядывать лица. Хозяин Гурам, поглазев из-за занавески на беснующегося пса, взял воздушное ружье, высунул его в окно и пару раз выстрелил в воздух. Дядя Курша осел и смолк. Гости захлопали, зашумели:

- Молодец! Стрелок!
- Укротитель!
- Дрессировщик!

Тут из кухни появилась домработница Маро с тазом второй перемены и высыпала содержимое в миску.

Когда все стихло, дядя Курша и Цуга закусили осетровыми шкурками, хребтами форели, остатками балыка и усатой башкой сома, а потом, успокоившись, стали решать, что делать дальше.

- В общем, иди и приведи их, как хочешь, – ни до чего не додумавшись, сурово приказал дядя Курша. – Где этот малявка Шалик?

- А он... там... на свадьбе... сторррррожит!

Дядя Курша кивнул лобастой мордой:

- И хорошо. И правильно. Теперь приведи этих сучек сюда, не то плохо тебе будет! – добавил он для верности и, видя, что Цуга не очень испугалась, задрал морду: – Видишь, тварь? Скоро, скоро я буду свободен! И многим не поздоровится! Видишь?

Ошейник был основательно надорван. Цуге было известно, что дядя Курша ночами иногда тайно трет ошейник об острый угол конуры, чтобы сбежать на волю. Но кожа ошейника толста, угол конуры – не особо остр, а желание сбежать – не слишком сильно. Поэтому ошейник надорван только наполовину. Однако помнить об этом надо – кто знает, что может взбрести в башку психу-цепнику, вконец одичавшему от сытого, но тоскливого одиночества и горького, надоевшего позарез вечного покоя?

Прихватив на дорожку рыбий хвост (за что уплочено – должно быть проглочено), Цуга опять побегала в парк.

Собачью свадьбу она нашла быстро. Но псов побавилось: многие, получив, что хотели, разбежались по своим подлым делишкам. Оставалась только

пара глухих уродов, в том числе и несолоно хлебавший Шалик. Цуга без долгих бесед велела кобельку гнать сучек из парка, а сама заклацала зубами на глухих калек. Те быстро поняли, что к чему, а при имени дяди Курши полезли от страха под карусель, где умельцами-ежами вырыта добротная яма. Цуга похвалила Шалика за смелость:

– Молодец, сторррожил! Дядя Куррррша будет доволен!

– Да-а... я-я-я... та-а-ак! – Шалик гордо закрутил свое куцее колючко – а как же, понятно, следил и сторожил, как и положено псу!

А когда Цуга сообщила, что вторая перемена почти цела, надо только поспешить, то это известие обрадовало не только Шалика, но и деревенских сучек, вконец утопанных городскими наглецами. Теперь шелудивые дуры не сомневались, куда им бежать. Конечно же, туда, где еда! А что там дальше – увидим. Хуже, чем есть, не будет... Не должно быть...

Дядя Курша стоял у конуры напрягшись, только уши мелко дрожали да загрохот ежился. Виляет хвостом:

– Идите сюда, ближе, не бойтесь!

Но невежи-сучки, не соблюдая ритуалов, набросились на еду. Жрали они неряшливо, огрызаясь друг на друга и лапами влезая в миску, которая была вскоре опустошена и перевернута. На дядю Куршу они не обращали внимания, и волкодаву приходилось самому исподволь знакомиться с их верткими задами.

Цуга и Шалик грустно наблюдали за всем этим безобразием.

Они не решались вмешиваться, хотя голод опять взял их в свои холодные клещи и погнал слюну с высунутых языков. Они попытались было прокрасться за конуру, где, помнится, они видели остатки мчади и сыра, но дядя Курша остановил их:

– Стоять! Пусть гости жрут! Вы – свои, потом успеете, ненасытные!

Цуга обиделась: это она-то ненасытная? От такой нахалки любому шашлык поперек горла встанет! Две осетровые шкурки и сожрала всего, а разговору – на барана!

Шалик принялся напоказ щелкать на себе блох и клещей: вот, мол, голоден, как волк, но не прошу, свое ем!

Но дядя Курша все эти ухищрения не замечал. Он совсем ошалел от суровой радости: то подходит к сестричкам, заводит затейливые старомодные разговоры, то отбегает к конуре, неуклюже звеня цепью и радостно порывивая на ходу. Заигрывает с разомлевыми от еды бродяжками, шекочет их

усами, тормозит лапами, трется косматой башкой об их бока, не замечая лишаев, лысин, ран и гнойников. Известно: кто с подзаборной ляжет – с блохами встанет, но дядю Куршу это не беспокоит – у него и своих цепней хватает.

А Шалик скорбно сидел возле перевернутой миски и время от времени печально взглядывал на ее щербатое дно, негромко проклиная заезжих сучек в течке, из-за которых вынужден голодать. Он помалкивал, все больше вздыхая. Еще бы – знает собака, чье мясо съела! Его вина: держал бы пасть на запоре, не болтал бы про сучек для случек – и весь день рождения достался бы им! А теперь? На пятых хавку делить надо!

Так продолжалось довольно долго: сучки жрали прямо с земли, огрызаясь и пихаясь, но дядя Курша млеял и пританцовывал от нетерпеливого волнения, и только собачонки истекали слюнной горечью.

Наконец появилась домработница Маро с тазом третьей перемены. Разглядев в сумраке стаю чужих собак, она в нерешительности замерла, позвала:

– Гурам! Иди сюда, посмотри – что за собаки тут? Сколько их! Что им надо? Вдруг бешеные? Или большие?

Хлопнула дверь. Во двор нетвердой походкой спустился хозяин Гурам с ремнем в руке. Дядя Курша заворчал, как буксующий трактор, но поплелся к конуре. Цепь уныло зачмокала по земле.

Гурам шел, грозя ремнем и ругаясь. Запах алкоголя был так силен, что собачонки поспешно уползли в дыру забора: от пьяного ничего хорошего ожидать не следует, лучше остеречься. Сучки-сестрички тоже в страхе полезли за ними. В дыру видно, как хозяин крепко вытянул волкодава ремнем и пинками загнал в будку. Кинув камнем в сторону дыры, погрозил собачонкам:

– Убирайтесь к черту! Не то всех перестреляю!

Маро, вывалив в миску объедки, уковыляла прочь.

Хозяин Гурам, сильно качаясь, стоял у конуры, тупо смотрел на тазик. Он вздыхал, ковырялся в носу и, сильно икая, в голос матерился.

А Шалик жалел его. От хозяина Гурама несло злостью. Значит, он несчастен! Счастливый человек или собака не могут быть плохими, злыми или подлыми, счастливый всегда добр, а несчастный – зол, как хозяин Гурам, который сейчас источал на расстоянии резкие и терпкие запахи злости.

Тут из дома вышел молодой человек, начал что-то говорить, все громче. Можно различить, как Гурам грубо отвечает ему:

– Какое твое дело, молокосос, что я ей говорю и куда руку кладу? Кто тебя вообще спрашивает?

Ты кто ей – муж, брат, отец, дядя или дедушка? Что хочу – то и говорю! И делаю! Тебя, сопляка, не спросил! Пошел ты!

Молодой человек возмущенно отвечал:

- А я тебе говорю – оставь в покое эту женщину! Ты знаешь, что она мне нравится, я люблю ее! Ты этим свое неуважение ко мне показываешь, понял? Я тебе этого не прошу! Смотри, плохо будет!
- Что, угрожаешь? – схватил Гурам его за рукав, с хрустом лопнувший до локтя.

Молодой человек с руганью ударил его по руке:

- Лапы убери! И пса загони, не то я его прирежу! – кивнул он в сторону дяди Курши (тот, услышав крупный разговор, тихой сапой вылез из конуры и недобро подбирался к наглецу, который осмеливается перечить хозяину). – И его, и тебя!

Гурам пьяно рассмеялся:

- Кого? Ты? Моего пса? Меня? Прирежешь? – И прошипел: – Цирк тут не устраивай! Если хочешь – пойдем, поговорим по-мужски!
- Пугаешь, что ли? Пойдем!

Гурам схватил молодого человека под локоть и потащил к воротам. Ругаясь, они исчезли под скрип и стук калитки.

Дядя Курша переждал их шаги, потом сдавленно хрипнул из темноты:

- Эй! Где вы там? Сюда, только тихо!

Испуганные деревенские сучки начали хорохориться. Они уже жалели о том, что впутались в какие-то непонятки: лучше б остались с кобелями в парке! А тут какие-то крики, ссоры, ругань, ремень... И правильно говорят: свои собаки грызутся – чужая не лезь! Лучше убираться отсюда под добру-поздорову – пожрали уже вдоволь... Хотя вот еще перемена пришла... Мясная, самое то... Ладно, попробуем, а там увидим, что к чему...

- Вы спрячьтесь за будкой пока... – сверкнул дядя Курша глазами в сторону сестричек, а собачонкам угрожающе пробурчал: – А вы проваливайте, а то из-за вас тут... Завтра приходите...

Ах так! Ну, спасибо за такое угощение! Шалик, взявший было обглоданное индюшачье крыло (за которое в другое время полжизни отдал бы), подержал его в зубах и аккуратно положил обратно. А Цуга старалась не смотреть на остатки чакапули*, столь редкого и любимого.

Дядя Курша сердито наблюдал за ними.

- Идите отсюда. Проваливайте! Чтоб я вас больше тут не видел, попрошаек! Чем вам давать – лучше кошке Нателе под хвост выбросить!

О, кошки Нателы еще не хватало! Эта опасная бестия была полной хозяйкой во дворе и доме, спала под паровой трубой на мягкой подушке, ходила по самым высоким деревьям, ни с кем не общалась, жрала только мышей и птенцов, а когда спускалась на землю, то затевала побоища со всеми встречными и поперечными. У нее был муж, котяра Мяугли, о котором и говорить страшно: весь в шрамах, хромой и злой, размером с новорожденного барашка, он жил где-то в Дидубе** и раз в месяц являлся в гости к Нателе. Известно: кто блудлив и похотлив, тот не тороплив, поэтому Мяугли вначале обстоятельно съедал все, что для него заготавливала Натела – пару мышей, птенцов, иногда даже рыбку. А потом затевались такие стоны, вопли и кошачий ор, что дядя Курша прятался в конуру, а в доме люди закрывали окна: не помогала ни крики, ни кипяток, ни воздушка! После любовных утех Мяугли изгонялся прочь и уходил медленно и важно, хвост трубой. Это так у них, у кошек: две ни в мешке, ни во дворе не живутся, хоть ты тресни, каждая лазает сама по себе, где хочет, и никому отчетов не дает!

Нет, кошки Нателы совсем не надо! Подальше от ее злобных пустых стеклянных глаз и вечно точимых о кору когтей! Лучше уж сразу уйти!

Обиженные несправедливостью, собачонки улезли в злополучную дыру и удрученно поплелись куда глаза глядят. А все по собственной глупости! Зачем было приводить этих чумных сеструшек? Ведь можно было бы понять своим куцым умом, что голодные сучки сожрут все подчистую? Сказали бы – не нашли их, и дело с концом! Так нет же, привели, на свое горе и желудок!

Настроение испорчено окончательно. А все Шалик – не может держать язык за клычками! С него все, как с Бати вода! Только с гуся и польза бывает – пух-перо, а от Шалика одни убытки и проблемы, подрать его мало:

- Уррррод! Уррою! Порррву! – рычит Цуга, а кобелек виновато поджимает хвост – а что остается, когда сказать нечего?

Явно плохой день. У кобелька ныла лапа, он клевал носом и зевал так широко, что судороги прокатывались от костистого загривка до облезлого колечка хвоста, отчего вздрагивала каждая шерстинка его грязной шкуры.

Они не успели отойти далеко, как вдруг услышали громкий разговор.

Один голос – пьяного Гурама, другой – молодого человека.

* Блюдо из молодой баранины с зеленью (груз.).

** Район в Тбилиси.

Они не успели ничего толком разглядеть в сумерках, как раздался сдавленный крик. Что-то тяжелое упало на землю. Тень метнулась прочь, закинув на ходу что-то в кусты. А из темноты неслись шорохи и стоны.

Они осторожно проникли под сумрак дерева. На скрипучем песке ворочается человек. Пытается встать. А песок вокруг него – в черных пятнах... И стоны дрожат в воздухе... И запах крови пугающе-резок...

– Кррррровь! – прошептала Цуга с дрожью.
– Да-а-а... – боязливо подтвердил Шалик, переступая от волнения всеми четырьмя лапами.

Они подобрались ближе, пригнувшись, присмотрелись... Да это хозяин дяди Курши, Гурам! Он ругался и стонал. Хлестал ремнем по земле, поднимаясь на колени и опять падая ничком в черную лужу. Скрипел песок. А лужа крови все росла. От нее начали с тихим шорохом отзмеиваться ручейки.

Они в замешательстве кружили вокруг. Шалик робко попробовал языком кровавый песок, взвизнул. А Цуга подползла к человеку и несколько раз лизнула его ногу. Но тот ничего уже не замечал: стоны становились все слабее, движения – медленнее. Вот он нелепо задергался – и утих, замер, застыл. И на собачонок повеяло жутью: что-то мутное серое складчатое овальное с шелестом выползло из рта Гурама и, обдав волной жара, с гудением взмыло вверх...

Они отпрянули. Оцепенело стояли, настороженно глядя то на громоздкое тело в луже крови, то на желтую луну в черном месиве облаков. И усиленно нюхали резкий густой соленый запах крови. Сейчас он совсем не радовал, хотя на базаре они проводили часы в столбнячном гипнозе возле мясных рядов, с подобострастным вождением заглядывая в пустые глаза мясников-касабов и полной грудью вдыхая ароматы парного мяса, свежей убоины и дымящейся требухи.

– Надо сказать дяде Курррррше, – в растерянности подумала вслух Цуга.

– Да-а... да-а-а... – дрожал Шалик. – В тра-аве... поиска-ать...

Он метнулся в кусты и выволоч оттуда нож – его не найти мог только безносый: так густо разлило от него запахом смерти! Да если б этот нож в землю был зарыт или в воду кинут – Шалик нашел бы его, чтобы отнести дяде Курше!

И он гордо поволок в зубах страшную находку, хотя нож был тяжел и громоздок, скользил в зубах, бил в нос соленым запахом крови. Но, к счастью, нож не выпал, не потерялся в траве, и Шалик побед-

но тащил его дяде Курше, хотя зачем он это делал – он не знал. Просто дядя Курша – старший и умный, он больше понимает. Пусть сам решает, что делать дальше.

Едва они миновали бетонную дыру, как дядя Курша из будки принялся осыпать их упреками:

– Это что за сук драных вы мне приволокли? Сожрали сколько влезло – и сбегали, стервы! Вот дряни, нищенки, лишайные потаскухи! Деревенщины! Паскудные твари! Видят, что я на цепи, и дай бог ноги...

Услышав сбивчивый рассказ Цуги о ноже и хозяине, он оторопел, отрывисто пролаял:

– Хозяина? Моего? Ударили? Ножом? Убили? Хозяина? Моего? Гурама? Где? Ножом?

Уяснив суть дела, он с шумной яростью вылезает из конуры, слюна капает с брылей. Он тщательно обнюхивает проклятый нож, вертит его лапами, пытается разгрызть рукоять, внюхивается в нее. Потом встает на дыбы, дико рвется, обрывает ошейник и исчезает в дыре – только пустая цепь грохается о землю и, злая, замирает звонкой чешуйчатой змеёй в грязи.

– Ну, все... – растерянно поджимает хвост Цуга. – Утрррром – милиция в рррррррррррррране, днем – сучки всякие, вечерррррром – такое...

– Да-а-а... – соглашается кобелек, вожденно поглядывая на миску. Он столько нервничал, что должен сейчас успокоиться. А лучшее средство от хандры всем известно – это кости от хашламы*, хрящи от арталы, белый жир от бурваки**, хребты, бошки и хвосты форели...

Он приник к миске и с чавканьем стал заглатывать все подряд. Цуга тоже не отставала, удивляясь, как вся эта вкуснятина могла остаться нетронутой... Что, была еще и четвертая перемена? Видно, огорченный сучками, волкодав не пожелал ее вкушать... А хороши все-таки объедки объедков дяди Курши!

Они сожрали все без остатка, с опаской поглядывая на окна дома. Но там играла музыка, люди танцевали, и никому не было дела до того, что творится снаружи. Ну и хорошо, лучше и быть не может: кругом – никого, а вся жратва – твоя. Мысли о гнилой рыбе, подлых суках, дяде Курше и луже крови постепенно исчезали из их короткой памяти.

Теперь, после сытного ужина, собачонки желали только доковылять до кочегарки и завалиться спать под горячие трубы, чтобы наутро, пораньше, успеть

* Блюдо из вареной говядины (груз.).

** Вареная молодая свинина (груз.).

на свалку до приезда мусоровоза, который взял за глупое правило затемно увозить лучшее питание в неизвестном направлении. А дядя Курша пусть сам разбирается. Он лучше знает, что делать, – на то он и волкодав, а не шавка паршивая. И недаром он ест только божественное – жареное мясо, а Шалик, например, любит шилаплав*. Где келех** – там и Шалик, крутится среди складных скамеек из проката, ждет свой любимый покойнический плов.

Они решили бежать напрямик через парк, где уже гасли огни. Музыка на танцплощадке смолкла. Нет выстрелов в тире. Атракционы потухли. Не скрипят карусели. И парковая детская железная дорога закрыта: не слышно свистков, нет флажков и паровозного дыма, и по платформе не ходит сизоносый и краснолицый проводник Како, подсаживая детей и бабушек в вагоны и украдкой прикладываясь к чаше из боржомной бутылки, засунутой в карман потертого синего проводнического кителя. Только мусор шуршит по дорожкам да дворник Вагиф натягивает кожух на похожий на большой градусник силомер, по которому местные бугаи-силачи, обмотав платком кулаки, с утра до вечера дубасят, мерясь глупой силой.

В котельной жизнь шла полным ходом. Поганая кошка Зубарсик выволокла своих слепых недоносков к трубам, на лучшие места. В углу примостилась курочка Катами, пошелкивая клювом в ожидании яйца. Кочегар Мурад ковырялся шампуром в топке, собираясь запечь в золе мелкую рыбу, украденную женой на работе. Сама Лали ставила на стол миски, открывала вино «№ 8», резала тесаком помидоры и заводила по радиоле народные песни. И даже гусь Бати заглядывал снаружи, хотя предпочитал летом спать на Куре.

Собачонок все это мало интересовало. Они ради вежливости прошлись по котельной, всех поприветствовали, тихой сапой пробрались в самый темный закут и завалились спать, не обращая внимания на гам, дым и двух блудливых котят, которые тихо рылись под трубами, приводя в беспокойство мышь Тагви, уже второе лето жившую с большим семейством под кочегаркой.

Они спали долго и счастливо, а когда наконец были разбужены вхохтаньем Катами и вылезли из затхлой кочегарки на свет божий, то в небе уже горело яичное солнце, а на земле было тепло и уютно. И все начинать по новой: стадион-павильон, пивбар-базар, помойки-скамейки, урны-пурни***. День

обещал быть неплохим, даже отличным: около каруселей пухлая девочка угостила их кусочком булки. А малыш в панамке не пожалел пончика. Что ж, дети обычно добры, что имеют – тем и делятся. Да они сами у взрослых все кланчат! Известно, арталы или шашлыков от них ждуть глупо, а леденцы, булочки или бати-буги**** – в самый раз.

Они успели вовремя к свежим хвостикам от хинкали и только пристроились за пивбаром заморить глиста, как вдруг услышали разговор пьянчуг на веранде о том, что вчера вечером тут, недалеко, зарезали какого-то парня, а позже, ночью, к убийце в дом вломился огромный пес-волкодав и загрыз убийцу. Другие говорили, что это был вовсе не пес, а волк-оборотень с Мтацминды*****, по своим законам наказавший убийцу. Третьи утверждали, что им точно известно: барс-людоед спустился из Коджорского леса. Четвертые думали, что это черный ангел прилетел из Давид-Гареджи***** отомстить убийце. Поди узнай, как все было на самом деле! Люди болтают – ветер носит!

Услышав эти разговоры, Цуга многозначительно посмотрела на кобелька и поджала драный хвост. Шалик тоже сел на тощую задницу, притих: было о чем подумать. Ведь это люди о Гураме и Курше говорят! Значит, дядя Курша по запаху нашел молодого человека и загрыз его! Понятно! Где он теперь? Что с ним случилось? Эх, не надо полной миски, если цепь на шее! Не надо конуры, если жизни нет! И быть мелким, слабым и хилым куда выгоднее, чем большим и сильным: никому ты не нужен, никто тебя не убьет, живи в свое жалкое малое удовольствие, ешь помаленьку гнильцо – никто не отнимает, кому оно надо? И говори не все, что знаешь, но всегда знай, что говоришь. А еще лучше – молчи в намордник, целее рыло будет.

Тут Цуга насторожила уши – радио на столбе пропикало час дня: сейчас на базаре, в мясном ряду, касабы примутся жарить на плитке лучшие куски себе на обед, и надо поспешить, чтобы не оказаться последними на этом веселом мясном празднике жизни – последнего, как известно, и собаки рвут...

Германия, 2002-2009-2021

* Разварная баранина с рисом (груз.), обязательная на поминках.

** Поминки (груз.).

*** Пурня (разг.) – хлебопекарня.

**** Жареные сладкие кукурузные хлопья (груз.).

***** Гора в Тбилиси.

***** Комплекс грузинских пещерных монастырей, религиозный центр восточной Грузии VI века.